



Ф. КАВЕРИН

Перед первой премьерой

ПУТИ И ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВЕННОГО НОВОГО ТЕАТРА

группами и нами самими. Нет, нам кажется, что на пути театральной условности, той больной театральной правды, которая значительно и вернее житейского «правдоподобия», есть много еще нехоженных дорог, есть много неугаданного, и мы с радостью приписываем себя к тем (правда, несчастным сейчас) творческим организациям, которые не поют с собой готовой истины о сущности актера и театра, но ищут эту истину в своих удачах и ошибках.

Для этого у нас сейчас большие возможности.

Первая постановка Нового театра пьеса М. Д. РОММ «Чемпион мира». Она затрагивает вопросы, мимо которых театр проходил, не затрагивая их. Между тем, спортивная тематика, как ощущаем ее мы сейчас, чрезвычайно близка к искусству, и не всегда можно разделить мастерство спортсмена от мастерства актера. Мы рады сейчас, внимательно и подробно ознакомившись с мировой историей спорта, с уставами и практикой буржуазных спортивных объединений, с героической работой Спортинтерна и его отрядов в капиталистических странах, отдать этой теме свою первую работу. Буржуазный и пролетарский

спорт в Америке, кризис и обострение классовой борьбы, спекуляция на расовом антагонизме — все это подавно автором в семи небольших картинах очень динамически, частью в форме комедии, частью — мелодрамы. Это история шахтера Боба Смита (арт. САВЕЛЬЕВ), который, проиграв себя талантливым боксером, решил оспаривать первенство мира у чемпиона негра Крайфорда (арт. КОРОЛЕВ) и едва не оказался изменником и предателем своих товарищей, играя на руку своему хозяину (шахтоладелец Фергюссон — (СВЮБОДИН). Мы знаем, что в зрительном зале будет очень много товарищей, недостаточно оценивающих политическое и культурное значение спорта: но мы считаем

Будущий спектакль пужным, и нас поддерживают в этом начинании спортивные организации Советского союза. С формальной стороны—новая тема вызывает новые возможности. В часе между репетицией и спектаклем театр превращается в тренировочный лагерь, также как в начале спектакля вся наша труппа превращается в советский спортивный отряд, чтобы разыграть перед зрителем ромовский текст вместе с художником Е. М. МАНДЕЛЬБЕРГОМ, композитором С. Л. ГЕРМАНОВЫМ и отдельными советскими спортсменами.

«Венецианский купец» Шекспира — вторая постановка года. Художник В. ФРЕДМАН, композитор Л. ПУЛЬВЕВ, режиссер Ф. КАВЕРИН. Здесь мы заняты тем, чтобы в новых масштабах и с большой глубиной (не отказываясь от насмешливой трактовки отдельных деталей) продолжить свои опыты над классикой. Основательное знакомство с эпохой Возрождения, начатое нами при первой шекспировской постановке («Конек-душу венец»), подкрепляется теперь рядом вновь опубликованных материалов о Шекспире и его времени.

Венеция — так центр мировой торговли, знаменитая биржа Рияльто, конторы историче-
ских лавки купцов и менял, при-
стань, отправляющие товар во все ко-
ны света, таит в себе, по-нашему, вели-
кую шекспировскую трагедию ненависти.
Одно за другим сплетаются звенья этой
цепи: Антонио ненавидит Шейлока, ари-
стократия рынка ненавидит поднимаю-
щих голову ростовщиков, товары и
деньги. Запад и Восток Рияльто и Жо-
дедка (еврейский квартал в Венеции),
евангелие и ветхий завет — все сплетает-
ся в азартной, беспотопляющей борьбе
за победу в кровавой по-настоящему
схватке. На этой почве пышно разрастает-
ся и та расовая нетерпимость, которой
Шекспир посвятил большую часть своей
пьесы. И Антонио со своими призер-
женцами пускает в ход старую легенду

о хриstopродавцах, и Шейдок, полно-властный хозяин и деспот бедноты еврейского квартала, становится вождем в борьбе за угнетенную народность и под видом ветхозаветного первосвященника стремится свалить самого солидно-го конкурента.

Это — основа спектакля, его венецианские сцены. А на поверхности этой трагедии идет блестящая жизнерадостью, полихромными красками Возрождения прекрасная поэма... о Порции и ее женихах, поет музыка величайших любовных дуэтов (Порция — Бассано, Лоренцо — Джессика), звенит серенадами и бубенцами карнавал на мостах и гондолах. Люди ненавидят, ненавидят — мстят, отомстив — торжествуют.

В то время как одна половина труппы будет работать со мной над этим удивительным текстом, другая часть едет во главе с режиссером А. И. КРИЧКО начинать готовить пьесу ФУРМАНСКОГО «Манчжурия-Рига». Павел Фурманский — молодой драматург, связанный с нами до сих пор работой в наших бригадных выступлениях, один из авторов хорошо прошедшей по Советскому союзу пьесы «Вай-Хо-дун и Ваня Шинбин», привлек нас способностью находить для актера внутренние опорные точки и стремлением разрешать трудные задачи. В новой пьесе он раскрывает стены вагонов экспресса и показывает, какая буйная жизнь, какие сложные процессы совершаются в сознании и даже мировоззрении людей за короткий перерыв от границы в границе нашего Союза. Партийный золотомаскатель и строитель тюрьмы в Токио, комсомолец, едущий в Москву учиться, и фабрикант, совершающий свадебное путешествие, женщина-инженер, спешащая на Днепро-строй, и содержательница парижского ателье мод, ее горничная и пограничный красноармеец, направленный в отпуск. А в окнах — Кузнецкострой и тайга, обработанные колхозниками поля

и просторы Байкальского озера. Все это даст спектаклю большой горизонт, а стены вагона, вбирая в себя людей, естественно и просто концентрируют на них внимание постановщика, художника и зрителя.

Эти три пьесы пройдут до летнего перерыва. До него же начнется работа над пьесой ЮРИЯ СМОЛИЧА «По ту сторону сердца». В основу пьесы кладется его роман, который появится в русском переводе П. Б. ЗЕНКЕВИЧА в ГИХЛ.

Стояно по контрасту с предыдущей пьесой действие этой пьесы развивается на протяжении ряда лет — с 1914 г. до наших дней. Автор сталкивает неболющую группу лиц в разные периоды жизни нашей страны. Двое из этих лиц — случайные двойники — два Клыма Шестипалых: один — по видимости положительный, энтузиаст и идеалист, восторженный до отчаяния «парубок с лучистыми очами», другой — его побратим с большим заростом на лбу — откровенный и циничный шкурник. Автор проводит их через империалистическую войну, революцию, петлюровщину, махновщину, эмиграцию и реконструктивный период советского строительства для того, чтобы в финале спектакля признать обоих врагами и поставить между ними знак равенства.

Кроме разоблачения банкротства в современности и ряда ярко выделенных, характерных для каждого периода образов, работа волнует возможностью разрешения ряда формальных задач. Время и пространство потребуют особого разрешения. Опыты в этом направлении делаются мной и Б. Эрдманом уже в Феницианском купце, и сейчас автор делает редакцию пьесы применительно к отрывавшимся возможностям.

Это — план 1933 г. Несмотря на его сложность и насыщенность, в театре ведутся и сверхплановые работы.

Молодняк театра усиленно репетирует
блестящую комедию ЧУРКИНА «Провыв

в любви», главным достоинством которой кроме ее молодой и задорной бодрости является то, что она никак образом не напоминает установленного стандарта колхозных псес. Этот спектакль ставит артист П. ОДЕНЕВ. Таким образом мы выражаем для себя вместе с новыми актерскими кадрами и режиссуру. Артист СВОБОДИН и ШАТОВ с этого года состоят официальными режиссерами театра.

Заглядывая в 1934 год, мы мечтаем о спектакле русской классики. Нас смущают, — и кажется, так и будет, — в Тургеневу Вернее всего это будет «Меня в деревне». Тогда мы используем несколько сокращенный текст комедии для показа круженного тургеневского дворянского гнезда, а деревню построим на материале «Записок охотника» и «Стихотворений в прозе».

Самым существенным и верным в нашем плане на год мы считаем не то, что в сравнительно короткий срок нам удалось обеспечить театр репертуаром, если можно так выразиться «посвятив» для будущего еще ряд тем, связанных с авторами. Для нас всего дороже, что этот репертуарный план лишен случайности, что задачи, поставленные передовой работой, органически вытекают из нашего прошлого и что каждый подготовляемый нами в этом году спектакль несет в себе мысль следующей работы. Только так можно серьезно ставить вопрос о формировании своего стиля. Нельзя сейчас определить этот стиль никакими спешными формулировками, но ясно его основная линия. Это — стиль театрально-заостренного, несколько преувеличенного нечерка, театр яркой расцветки музыки и смелого движения, но без скверной театральности. Это — стиль большой внутренней искренности и убежденности, стиль здоровой психологии, но без психоложества и серости, почему-то часто связывающихся с темой о живом человеке.

Работа кипит, но оборудование съемки еще не закончено и задерживает выпуск «Чемпиона мира». Ресурсы под стужу, мотолов и лязг пил, черпящая сцену, чтобы дать возможность протянуть трос или пронести балку, и только в феврале мы выйдем к рабочему зрителю, переведшему нас в новые условия работы и жизни, — на первую премьеру, на первый экзамен.

"Голубинская истребитель" 8 янв. 1933.